

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 7

(1934)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1935

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

К. К. Флуг

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КИТАЯ

ПЕРИОД ИНЬ-ШАН

ОСНОВНОЙ задачей настоящей статьи, не претендующей на исчерпывающее значение и не затрагивающей, в виду ограниченности исторического материала, многих вопросов, ключ к решению которых могут дать лишь недавно начавшиеся систематические археологические изыскания, является выяснение и систематизация материалов, могущих послужить основой для изучения Китая эпохи Инь, его истории, экономической структуры, социальной организации, материальной культуры и других вопросов, до сих пор исследованных крайне недостаточно.¹

Главнейшими источниками для изучения этого периода являются древние литературные памятники, надписи на бронзовых сосудах и оружии и известные надписи на костях, открытых в конце XIX в. в Хэнани.

Признавая необходимость строгого контроля и осторожности при пользовании данными китайской исторической традиции, нельзя в то же время согласиться с взглядами некоторых синологов, полностью отрицающих подлинность древней литературы Китая и не признающих несомненных положительных результатов, достигнутых работами китайцев в области филологической критики текстов.²

Исследователь, придерживающийся подобных взглядов, рискует потерять под собой почву и все его теоретические построения могут оказаться лишненными твердого основания.

Говоря о Шу цзине как об одном из источников, наиболее близких по времени составления к периоду Инь, необходимо проводить строгое разграничение

¹ В виду того, что со времени сдачи автором в печать данного обзора прошло около двух лет в нем не использован целый ряд важных работ по истории Китая периода Инь-Шан (см. перечень части их в *Quarterly Bulletin of Chinese Bibliography*, I, № 82, 74—75), появившихся в Китае за последнее время. В 1935 г. вышла работа Ю. Бунакова «Гадательные кости из Хэнани (Китай)» содержащая очерк их истории и проблематики в связи с коллекцией костей И-та книги, документа, письма Академии Наук СССР. Книга снабжена полной библиографией литературы о подписях на европейских, китайском и японском языках.

² Granet, например, говорит: «Toute l'histoire de la Chine ancienne repose sur un système de faux à la fois ingénus et savants. Pour le moment, nous ne disposons d'aucun procédé de filtrage et il peut sembler que, réduite à ses propres ressources, la critique philologique doive aboutir à des résultats négatifs» (*La civilisation chinoise*, 65). Скептическое отношение Granet к достоверности древних памятников письменности простирается, повидимому, и к ценнейшим документам, подлинность которых в настоящее время не оспаривается уже никем, — к надписям на хэнаньских костях. Только этим, вероятно, и можно объяснить то обстоятельство, что в своей работе он не нашел практического применения этим важнейшим материалам.

между версией, бывшей известною при Хань и сохранившейся в цитатах у Сы ма Цяня, и так называемым «древним текстом» традиционного Шу цзина, который является, как известно, неподлинным и относится к концу III или началу IV в. н. э. Дата составления пяти глав Шу цзина (Тан шэ, Пань гэн, Гао цзун юн жи, Си бо кань Ли, Вэй цзы), говорящих о периоде Инь и частично сохранившихся в цитатах Ши цзи, относится по всему вероятно ко времени не ранее начала первого тысячелетия до н. э., когда изустные предания Иньской династии были записаны ее потомками, князьями Сун. К сожалению, по признанию наиболее выдающихся и авторитетных знатоков древней китайской литературы, значительная часть текста является в настоящее время непонятной, что объясняется изменениями, происшедшими в значениях слов, и употреблением «готовых» или слитных выражений (чэн юй), смысл который нам недоступен.¹ То же самое, хотя и в меньшей мере, касается и другого источника, Ши цзина, дающего некоторый материал для изучения данной эпохи. Ритуальные гимны и песнопения, которые входят в отдел Ши цзина, называемый Шан сун, также составлены в позднейшее время в княжестве Сун.² Глава из Ши цзи, посвященная Инь и хорошо известная благодаря переводу Chavannes, состоит почти исключительно из генеалогических данных об Иньской династии, дополненных легендами о последнем иньском государе и цитатами из аутентичного текста Шу цзина, благодаря которым, главным образом, она и представляет важность. Что касается Чжу шу цзи нянь («Анналы, написанные на бамбуке»), то их значение как исторического материала, хотя и очень ограниченного по своему объему, весьма велико. Ни Бань Гу ни Сы ма Цянь не могли использовать Чжу шу цзи нянь, так как, они стали известны только в 281 г. н. э., когда вместе с некоторыми другими книгами Анналы были найдены в могиле князя Вэй при обстоятельствах, не внушающих сомнений в подлинности находки.³ При Сунах текст Чжу шу цзи нянь был утерян; версия же, известная в настоящее время по переводам Biot и Legge, представляет собой неподлинный, назаслуживающий особого доверия текст и относится, вероятно, к минскому периоду. Подлинный текст известен по цитатам, сохранившимся в некоторых сочинениях до-сунского периода и собранным воедино цинским 朱右曾 Чжу Ю цэном под заглавием 汲冢紀年存真 Цзи чжун цзи нянь цунь чжэнь. Работа Чжу Ю цэна была дополнена Ван Го взем и вошла в собрание его сочинений под названием 古本竹

¹ См. Ван Го вэй, собр. соч., 1-я серия, I, цз. 1, 5 в., и цз. 2, 1 г.—4 в. Критику текста Шу цзина см. у Pelliot, *Le Chou king en caractères anciens et le Chang chou che wen* (Mémoires concernant l'Asie orientale, t. II. 1919),

² См. 說商頌 Шо Шан сун, Ван Го вэй, id., цз. 2, 16 г.—18 в.

³ Chavannes, *Mémoires historiques*, V, app. I, и 晉書 Цзинь шу, цз. 51, 24 в. и сл.

書紀年輯校 Гу бэнь чжу шу цзи нянь цзи цзяо.¹ Таким образом, привлекая Чжу шу цзи нянь в качестве источника, нельзя упускать из вида выше сказанное и строго разграничивать оба текста во избежание возможности возникновения сомнений в правильности выводов, основываемых на малодостоверном источнике.² Нельзя также пренебрегать и утверждать полную недостоверность тех сведений, которые заключаются в Шань хай цзине, Чу цы (глава Тянь вэнь) и в написанных в более позднее время Мо цзы, Люй ши чунь цю, Хуай нань цзы, Янь ши чунь цю и др., поскольку некоторые из имеющихся в них данных относительно эпохи Инь находят себе подтверждение в надписях на хэнаньских костях.

Надписи на древних предметах из бронзы также могут послужить материалом при изучении данной эпохи, несмотря на их лаконичность и затруднительность установления точной даты.³

За последнее тысячелетие общее число предметов из бронзы, датированных периодом Шан-Чжоу, постоянно возрастает. Увеличение это происходит за счет находок предметов, большая часть которых была закопана в землю или брошена в реки при Цинь Ши хуан ди в III в. до н. э. За последнее столетие много редчайших бронзовых вещей было открыто в южной части Чжили и на северо-западе Хэнаня. Содержание наибольшей части надписей на бронзовых предметах указывает, что последние изготовлялись в качестве знаков отличия, награды, или же для увековечения памяти какого-нибудь события. В Китае существует огромная литература, связанная как с вопросами стиля и развития письменности на основе изучения этих надписей, так и с вопросами их расшифровки и изучения данных, бросающих свет на некоторые стороны жизни древнего Китая. Не имея возможности дать в пределах небольшой статьи подробную библиографию китайских работ, касающихся древней бронзы, отметим лишь наиболее важные из них, начиная с сунского периода, во время которого изучение бронзы достигло высокой степени совершенства благодаря трудам многочисленных ученых — коллекционеров, археологов и палеографов.

Первой работой, содержащей описание древней бронзы, была 考古圖 Као гу ту, составленная 呂大臨 Люй Да линем в конце XI в. (см. Сы ку

¹ Собр. соч., 3-я сер., I, 1г.—19 в. Предисловие к нему помещено отдельно в 1-й сер., II, хоу бян, 16v.—17 г. Комментарии Ван Го вэя на современный текст Анналов, написанных на бамбуке, с указанием мест, подлинность которых подтверждается цитатами из старых сочинений, называются

今本竹書紀年疏證 Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь шу чжэн и входят в 3-ю сер., II.

² Так, напр., Иолк не упоминает, какой из двух версий Анналов, написанных на бамбуке, он пользовался для своей работы «К вопросу об основах общественного строя древнего Китая» (Проблемы Китая, № 2, 1930).

³ Первые предметы из бронзы, имеющие точные даты с обозначением «нянь хао», появляются только к периоду Зап. Хань.

цюань шу цзун му, цз. 115, 1 v.). Другая известная работа написана 王黼 Ван Фу и носит название 宣和博古圖 Сюань хэ бо гу ту. Она включает в себе описание и воспроизведение образцов бронзы из коллекции сунских императоров.¹ Не менее важным изданием является каталог коллекций цинского императора Цянь луна, составленный комиссией и вышедший в 1740 г. под названием 欽定西清古鑑. Цянь дин си цин гу цзянь; дополнением к нему служит изданный несколько позднее Си цин суй цзянь. Среди позднейших работ необходимо отметить 積古齋鐘鼎彝器款識 Цзи гу чжай чжун дин и ци куань чжи (1804), содержащую текст 560 надписей на древней бронзе, из которых 169 относится к периоду Инь. Автором этой работы является известный Юань Юань, чье имя и выдающаяся эрудиция в области археологии гарантируют подлинность воспроизводимых им образцов бронзы. В 1822 г. Фын Юнь пэном было составлено 金石索 Цзинь ши со с прекрасными иллюстрациями, делающими это издание ценным до сего времени. Особенно же большую важность представляет работа Ван Го вэя по расписывке и комментариям к надписям на древней бронзе 觀堂古金文考釋 Гуань тан гу цзинь вэнь као ши (собр. соч., 1-я сер., VI), благодаря которой облегчается понимание других надписей на бронзе и становится возможным исправление ошибок, допущенных в работах немногих европейских ученых, пытавшихся давать их переводы.² Среди европейских изданий, воспроизводящих бронзу древнего периода, наиболее известны монография W. Perceval Yetts, *Chinese Bronzes* (1925); Voretzch, *Altchinesische Bronzen* (1924) с воспроизведением многочисленных предметов из китайских императорских коллекций, Tchou Tö yi, *Bronzes antiques de la Chine appartenant à C. T. Loo* с примечаниями и предисловием проф. P. Pelliot (1924) и Sirén, *Histoire des arts anciens de la Chine* (1929).

Особую важность в качестве материала для изучения периода Инь представляют надписи на хэнаньских костях, имеющие большую ценность не только как древнейшие памятники письменности, позволяющие проследить эволюцию графических форм иероглифов, но и как важнейшие документы, проливающие свет на историю и экономику древнего Китая. Сравнительно совсем недавно, период Инь считался в лучшем случае полулегендарным, а данные некоторых китайских источников, касающихся его, являлись в глазах многих синологов продуктами специфической «китайской традиции» несколько не заслуживающей

¹ Составлена после 5-го года «Сюань хэ» (1123), а не в 1107, как значится у Sirén, *Histoire des arts anciens de la Chine*, 34. См. Wang Kuo wei, *Archaeology in the Sung dynasty* (*The China journal*, VI, № 5, 224).

² Chalfant, *Early Chinese writing* (1906); Petrucci, *L'épigraphie des bronzes rituels de la Chine ancienne* (J. A., 1916, I, 1—71); Wieger, *Caractères chinois* (1924), 361—452. См. Pelliot, *L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo wei, T'oung Pao*, tir. à part, 157.

серьезного отношения.¹ Надписи из Хэнани документально подтверждают многие данные китайских источников, в некоторых случаях их исправляя. Значение находок в Хэнани настолько велико, что на истории открытия костей с надписями и их изучения следует остановиться подробнее, тем более, что еще до сих пор важное значение находки как подлинного документа Иньской эпохи оценено не всеми.²

В 1899 г. в местности, находящейся в 5 китайских ли к северо-востоку от города 彰德府 Чжан дэ фу (Хэнань) и носящей название 小屯 Сюо тунь, крестьяне обнаружили в земле, размытой рекой 洹 Юань, несколько тысяч костей животных, щитов черепах, раковин, обломков глиняной посуды и других предметов.³

Кости, сохранившиеся очень хорошо благодаря особым свойствам лёссовой почвы, состояли главным образом из костей быков, лошадей, оленей, свиней и щитов черепах.⁴ Имевшиеся на них надписи были начертаны каким-то острым предметом, вероятно ножом,⁵ и состояли в большинстве случаев из вопросов

¹ Вспомним, напр., Kingsmill, высказывавшего предположения о связи имен некоторых личностей Иньской эпохи, которые он считал за мифические, с китайской схемой космогонии и мифами о солнце, руководствуясь при этом вычитанными из словарей значениями иероглифов, вошедших в эти имена: «As they are to be found in any good dictionary». The mythical origin of the Chou dynasty (JNCBRAS, VII, 1871—72, 142).

² Так Wilhelm в его A short history of Chinese civilisation (1929), 52, говоря о костях, ограничивается только следующим: «their varied inscriptions are of great cultural interest». Подлинность предметов, найденных в Хэнани признается в настоящее время всеми, за исключением одного, кажется, Granet, высказавшего в довольно осторожной форме сомнение как в подлинности костей, так и в реальности существования самой Иньской династии: «Ainsi si la découverte des os de Honan ne prouve point la réalité de la dynastie, elle semble du moins attester la valeur relativement ancienne des traditions historiques relatives aux listes des règnes (op. cit., 68). Hopkins (JRAS, 1911) высказывал сперва предположение о принадлежности надписей к периоду Чжоу, но впоследствии отказался от него (ср. JRAS, 1917, 69). Не знаю, отказалась ли Bernhardt от своего необоснованного мнения о том, что: «many of these bones are simply the copybooks of the younger generation of priest learning the sacred art of writing» (см. Couling, Oracle bones from Honan, JNCBRAS, XLV). Не подвергая сомнению подлинности находок в целом, можно лишь допускать возможность того, что среди них иногда попадаются подделки, появившиеся после первых раскопок. В частности, такими подделками Pelliot (T'oung Pao, XXII, 7) считает предметы, опубликованные Hopkins в JRAS, July — October, 1913.

³ Мне ничего неизвестно о «щитках черепахи и свиных костях с вырезанными на них знаками, обнаруженных впервые в 1872 г. в л. Ань-ян» (Июль, Проблемы Китая, № 2, 122, прим. II) Если эта дата не является типографской ошибкой, то может быть здесь по недоразумению имеется в виду найденный, вернее, купленный около этого же времени Bushell в Пекине, а не в Аньяне, сосуд из чистой меди с надписью в 538 знаков, которую перевели Parker и Hoang.

⁴ Описание их внешнего вида и фотографии у Gotō, Study on the Chinese ancient characters carved on «tortoise shells» (Tōyō-gakuhō, IV, no 1).

⁵ Как уже указал Pelliot (T'oung Pao, XXII, 318) нет никаких данных, свидетельствующих о существовании в то время слова 𠄎 юй, под которым Karlgren понимает «a stylus with which symbols were incised in bone, tortoise shell and wood» (Sound and symbol in Chinese, 46, 62). Нам ничего неизвестно и об употреблении стиля для начертания знаков на деревянных дощечках, так как обычно предполагается, что для этой цели служили лак и заостренная палочка из бамбука.

и ответов на гадание, производившиеся при помощи трещин, образовывавшихся на поверхности костей и щитах черепах от огня, над которым их помещали. Трещины эти интерпретировались в зависимости от их сходства с иероглифами, причем ответы на вопросы записывались на костях лицом, производившим гадание.

Подробности о технике гадания изложены в статье Chavannes, *La divination par l'écaille de tortue dans la haute antiquité chinoise* (J. A. XVII, 1911, 127—137), использовавшего для этого работу Ло Чжэнь юя Инь шан чжэн бу вэнь цзы као (1910).¹

Большая часть костей из Хэнани попала в руки некоего 王懿榮 Ван И жуна, продавшего их в 1901 г. 劉鶚 Лю Э. Более тысячи экземпляров костей с надписями было опубликовано последним в 鐵雲藏龜 Те юнь цан гуй, изданном в 1903 г.²

Большие коллекции костей, в составлении которых принимал участие Chalfant, находятся в Британском музее, в Шотландском музее (Edinburgh), Музее Carnegie (Pittsburgh, USA), Музее RAS в Шанхае и др. Снимки с части коллекций Chalfant опубликованы им в *Early Chinese writing* (Memoirs of the Carnegie Museum, IV, 1906, n° 1). Коллекции Ло Чжэнь юя воспроизведены в 殷虛書契前編 Инь суй шу ци цянъ бянъ, и id., хоу бянъ, и в 殷虛書契菁華 Инь суй шу ци цзин хуа. Значительное количество костей находится также в Японии, где они до последнего времени продолжают изучаться японскими синологам.³

¹ Гадание при помощи костей было принято не только в древнем Китае, но и среди многих других народов Восточной Азии. Цзинь шу в главе о «восточных варварах» (цз. 97, 2 г. и 5 в.) говорит о гадании посредством обожженных костей и копыт коров; Ляо ши (цз. 115, 5 в.) — о гаданиях тангутов по костям баранов; Цянь Хань шу (цз. 25, ся, 1 г.) упоминает о куриных костях, употреблявшихся для этой же цели.

Судя по чрезвычайно большому количеству гаданий на хэнаньских костях и по разнообразию вопросов, затрагивавшихся ими, становится ясной огромная роль, принадлежавшая гаданию в древнем Китае. С другой стороны, благодаря оракульным записям, касающимся вопросов охоты, урожая, погоды, рыбной ловли, разведения скота, войны и др., мы имеем возможность получить представление о некоторых сторонах жизни древнего Китая.

К сожалению, среди хэнаньских находок насколько мне известно не встречаются надписи, содержащие данные о приходах и расходах царей, хотя они могли бы послужить любопытным штрихом при восстановлении картины жизни древнего Китая. Указывая на находку «128 предметов прихода и расхода государя» Андреев (Проблемы Китая, № 1, 440), повидимому, понял так китайское выражение «чу жу» (повидимому, именно оно имелось в имевшемся у него тексте), которое помимо «прихода и расхода» имеет и другие значения.

² Дополнением к нему является работа 葉玉森 Е Юй сэня, вышедшая в 1925 г. под названием 鐵雲藏龜拾遺附考釋 Те юнь цан гуй ши и фу као ши.

³ См. Обзор японских коллекций и их изучения японскими учеными в статье 徐嘉瑞 Сюй Цзя жуя 日本甲骨之收藏與研究 Жи бэнь цзя гу чжи шу цан юй янь цзю (Го сие юе бао, II, n° 1, 21—30).

Несмотря на более чем тридцатилетнюю давность находки и чрезвычайные трудности, связанные с их расшифрованием, надписи на костях продолжают возбуждать огромный интерес. Первым из китайских ученых, который попытался расшифровать архаические знаки на костях, был 孫詒讓 Сунь И жан в своей работе 契文舉例 Ци вэнь цзюй ли (1904), основанной на материале Те юнь цан гуй. В 1910 г. вышел известный труд Ло Чжэнь юя 殷虛書契考釋 Инь суй шу ци као ши, за которым последовал 殷虛書契待問編 Инь суй шу ци дай вэнь бян и ряд других работ. Из наиболее важных работ Ван Го вэя, посвященных изучению надписей и связанным с ними вопросам, можно назвать 戩壽堂所藏殷虛文字考釋 Цзянь шюу тан со цан инь суй вэнь цзы као ши (1917); ссылки на его другие работы, имеющие первостепенное значение, будут неоднократно приводиться ниже. Знаки, расшифрованные Ло Чжэнь юем и Ван Го вэем, собраны 商錫永 Шан Си юном в 殷虛文字類編 Инь суй вэнь цзы лэй бян, где они расположены по системе Шю вэня.¹ Кроме того имеется немало работ различных авторов, вышедших в связи с находками Сяо туня и опубликованных, главным образом, в китайских периодических изданиях Го сюе юе бао, Го сюе лунь цун, Янь цзин сюе бао, Го сюе цзи кань и др. В европейской синологии изучению надписей на костях и их расшифровке не было уделено достаточного внимания. Насколько мне известно, этим вопросом занимался лишь Hopkins в его *Development of Chinese writing* (1909), *Chinese writing in the Chou dynasty in the light of recent discoveries* (JRAS, 1911) и в некоторых других работах, помещенных, главным образом, в JRAS (1912, 1913, 1917, 1925).

Помимо костей с надписями в Сяо туне были найдены, как сказано выше, многочисленные другие предметы, большинство которых воспроизведено Ло Чжэнь юем в 殷虛古器物圖錄 Инь суй гу ци у ту лу (藝術叢編 И шу цун бян, 1916, по 4—6).²

В числе их имеются изделия из слоновой кости (принадлежащей вымершему виду *Stegodon*) и кости носорога, острия стрел, «звучащие камни» (литофоны), изделия из нефрита, раковины каури, — натуральные и имитации, рога животных, двустворчатые раковины неизвестного вида моллюсков, часть бронзового сосуда и некоторые другие предметы, назначение которых не удалось установить. К сожалению, среди предметов из коллекции Ло Чжэнь юя, опубликованных в Инь суй гу ци у ту лу, отсутствуют образцы керамических изделий. Пробел этот восполнен Hamada, описавшим в Kokka (по 379, 1921) коллекцию глиняной

¹ См. предисловие Ван Го вэя (собр. соч., 1-я сер., II, хоу бян, 19 г. — 20 г.) к Инь суй вэнь цзы лэй бян.

² Большая часть предметов из коллекции Ло Чжэнь юя хранится в настоящее время в собраниях «Est-Asiatiques» в Стокгольме; несколько вещей из кости, рога и камня воспроизведены у Sirén, *Histoire des arts*, pl. 8—15.

посуды, найденной в Сяо туне японскими археологами. Находка эта представляет большую важность в том отношении, что обнаруженная при раскопках глиняная утварь является единственным и древнейшим образцом гончарного производства, несмотря на показания текстов о его существовании в древнейшем Китае. Центрами гончарной продукции китайские тексты называют города 陶城 Тао чэн (Шаньси) и 定陶 Дин тао (Шаньдун), в названия которых входит слово тао — «глиняная посуда».¹ Другое, не менее важное значение находки находится в связи с вопросом о преемственности между культурой Инь и культурой неолитической, следы которой в виде глиняной посуды обнаружил Andersson при археологических изысканиях в Ганьсу, Южной Манчжурии и Хэнани. Нужно сказать, что в течение последних лет были произведены большие открытия, касающиеся доисторического прошлого Китая. Так Licent и Teilhard de Chardin открыли в бассейне среднего течения Хуан хэ, на глубине 30—40 м лёсса, стоянки палеолитического человека. При раскопках в Ганьсу, Хэнани и Южной Манчжурии Andersson нашёл следы человека энеолитического периода, т. е. конца неолита, когда наряду с изделиями из камня начинают появляться и бронзовые. Сообщения о своих находках Andersson опубликовал в работах *An early chinese culture* (1923) и *Preliminary report on archaeological research in Kansu* (1925), заключающих в себе очень ценный материал для изучения вопросов археологического и исторического порядка. Как замечает по поводу этого Pelliot, следы человека палеолитического периода в Китае слишком незначительны, а сам период относится к настолько глубокой древности, что пока ещё невозможно пытаться облечь в какую-нибудь систему недостаточные и отрывочные сведения, имеющиеся о нем в нашем распоряжении. Что же касается энеолитического периода, то благодаря вещам, открытым Andersson и датированным 3—4 тысячелетиями, попытки восстановить протопроисхождение Китая становятся более возможными. Исходя из того, что глиняная посуда, производившаяся человеком энеолитического периода в Китае, довольно близко напоминает образцы керамики, открытые в центральной Азии, в частности в Западном Туркестане, некоторые ученые снова стали поддерживать гипотезу, высказанную в свое время Richthofen и предполагавшую, что родиной китайцев являлась область, находившаяся около пределов Восточного и Западного Туркестана. Согласно этой теории, китайцы, явившиеся из центральной Азии и завладевшие бассейном Хуан хэ, принесли с собой образцы керамических изделий, бывших в употреблении на их родине. Гипотеза о происхождении китайцев и их древнейшей культуры из центральной Азии находит себе некоторую поддержку в том обстоятельстве, что в Китае всегда было очень распространено употребление нефрита, несмотря на весьма малое количество его месторождений.

¹ См. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la céramique chinoise* (T'oung Pao, XXII, 11 и сл.), где приводится также критика текстов, касающихся древнейшего производства гончарных изделий.

Предполагают, что китайцы обратили внимание, искали и ценили изделия из нефрита, так редко встречающегося на территории Китая, только потому, что он был им известен еще на их прежней родине, — Восточном Туркестане, где нефрит имелся в большом количестве и с давних пор служил материалом для выделки различных вещей.¹

Весьма возможно, говорит Pelliot, что люди доисторического периода, стоянки которых обнаружил Andersson, являются предками китайцев исторической эпохи, однако, поскольку между ними еще остается ничем незаполненный прорыв во многовековой промежуток времени и поскольку наиболее ранним из известных нам археологических местоположений остается пока Сяо тунь, нельзя говорить о какой-нибудь определенной связи до тех пор, пока в нашем распоряжении не будут данные археологических изысканий, восполняющие этот прорыв. Что же касается теории о происхождении китайцев из центральной Азии, то она остается пока только «рабочей гипотезой», так как нельзя утверждать, судя только по найденным при раскопках в Ганьсу и Хэнани предметам, что создателями их были народности, составившие впоследствии ядро китайской нации.

Таким образом, несмотря на ряд различных теорий о происхождении китайцев,² вопрос этот до сих пор остается пока нерешенным.

Наиболее ранним местом жительства древних китайцев, о котором мы можем говорить с полной достоверностью, является долина нижнего течения Хуан хэ, на территории которой во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. находился центр общественного образования и культуры, называемой нами Иньской, чьи памятники письменности, древнейшие из известных, сохранились до нашего времени. Общий вид территории древнего Китая очень сильно отличался от картины, представляемой им в настоящее время. Плодородные при достаточном количестве дождей лёссовые почвы, переходящие на востоке в аллювиальные, были изрезаны малосудоходными, постоянно разливавшимися и менявшими свое русло реками. Лёссовые нагорья, отделенные друг от друга ущельями, перемежались с многочисленными болотами. Густые леса, занимавшие громадные пространства, изобиловали медведями, тиграми, оленями, пантерами, дикими кошками

¹ См. Pelliot, *Jades archaïques de la Chine appartenant à M. C. T. Loo*, 8—9.

² Помимо совершенно оставленных в настоящее время теорий Terrien de Lacouperie и Ball о месопотамском происхождении китайцев, существует гипотеза Karlgren, полагающего, что предки современных китайцев не являлись пришельцами, а с самого начала жили в Северном Китае. Forke считает, что родиной китайцев был Индо-Китай. Некоторые китайские и японские археологи полагают, что нельзя говорить о миграции китайцев из центральной Азии, основываясь на предметах, найденных Andersson, так как эти предметы могли принадлежать не-китайским племенам, жившим вместе с китайцами и заимствовавшим их культуру. Картина этнических движений прошлого, начинающих вырисовываться более ясно лишь с 2-го тысячелетия, представлена на карте, составленной Широкогоровым и приложенной к его работе *Anthropology of Northern China* (JNCBRAS, extra vol. II, 1923, 111).

и всевозможной дичью.¹ Все эти обстоятельства, потребовавшие от земледельцев упорных и тяжелых усилий для превращения этого дикого края в культурный земледельческий район, покрытый пашнями и полями,² должны быть учтены при выяснении вопроса о состоянии земледелия при Инь. При учете остальных условий, влиявших на состояние земледелия в древнем Китае, необходимо иметь в виду и климатические условия, несомненно сильно отличавшиеся от современных, в виду обезлесения и осушения огромной площади земли. Материалом для суждения о климатических условиях древнего Китая могут служить некоторые фенологические данные, заключающиеся в китайских памятниках письменности, упоминания о наводнениях и засухах, даты наступления морозов, выпадения первого снега, числа суровых зим и т. д. Несмотря на спорадичность этих данных, из них, при условии соответствующей обработки, могут быть выведены некоторые заключения.³

Зависимость явлений растительной жизни от климатических условий и их периодическая повторяемость были издавна отмечены китайцами в их древних народных земледельческих календарях, частично сохранившихся до нашего времени. Вошедшие в эти календари наблюдения земледельцев о прилете птиц, созревании плодов, сборе урожая и т. п. послужили в виде иллюстраций для позднейших, составленных на основании астрономических вычислений календарей и могут дать ценный материал для изучения сельскохозяйственной жизни древнего Китая.⁴

Возвращаясь к вопросу о территории, которую занимало государство Инь, нужно сказать, что границы ее могут быть определены лишь очень приблизи-

¹ Ср. Ши цзин перевод Соупгеир, 336, 406, 407. Китайские источники говорят о «Персиковом лесе» — Тао линь, находившемся у слияния рек Вэй и Хуан и простиравшемся на весьма большое пространство. Надписи на костях упоминают о чрезвычайно многочисленной и разнообразной добыче при охотах. В то время на территории Хэнани водились в диком состоянии даже слоны.

² Воспоминания об этих трудах хранят древние легенды, большинство которых связано с осушением болот, выжиганием лесов, борьбой с разливами рек. См. о них Granet, *Danses et légendes de la Chine ancienne*, 563; Maspéro, *Légendes mythologiques dans le Chouking* (J. A. cciv, 70 и сл.)

³ Ср. Coching Chu, *Climatic changes during historic time in China* (JNCBRAS, LXXII, 1931). К сожалению, сравнения между датами, приводимыми в древних источниках, и современными, затрудняются отличием древних календарных систем от позднейших. Календарная система, принятая при Инь, известна благодаря Сыма Цяню, поместившему Иньский календарь в отдел «Ли шу» своих исторических записок. Вследствие древнего происхождения календаря, истинное значение большинства его терминов было забыто уже во времена Сыма Цяня и им пользовались лишь для надобностей гадания (см. Chavannes, *Le calendrier des Yin*, J A, XVI, 1890, 463—516). Согласно Ши цзи введение календаря приписывается основателю Шанской династии Чэн Тану, переименовавшему двенадцатый месяц года на начальный (Ши цзи, Chavannes. I, 187). В надписях на костях обозначение дней, в которые происходило гадание, производится уже при помощи сексагезимального цикла, заменившего десятичный цикл более глубокой древности.

⁴ Особенно важен в этом отношении так разываемый «Малый календарь Ся», Ся сяо чжэн, переведенный Biot в *Nouveau Journal Asiatique*, 1840, sér. III, XI. О нем и о других земледельческих календарях говорит Granet, *Fêtes et chansons anciennes de la Chine* (1919), 53—54.

тельно ввиду незначительности исторического материала и изменений в географических названиях, происшедших за 3000-летний период. В надписях Сяо туня встречается до 200 названий местностей, большинство которых не поддается, однако, расшифровке; остальная часть названий расшифровна, но зато во многих случаях не удалось отождествить самых местностей, ими обозначаемых.¹

Исходя из отождествленных названий и местоположения некоторых иньских городов, можно установить, что владение Инь занимало территорию по обоим берегам Хуан хэ, после выхода последней на равнину, простираясь в восточном направлении, может быть, до самого морского побережья.² Кроме этой территории, составлявшей непосредственное владение иньских государей, их власть, по крайней мере номинальная, простиралась, вероятно, на большинство северных областей Китая. В 1890 г. в уезде 沱來水 Лайшуй, находящемся в западной части Чжили, были открыты бронзовые сосуды, имевшие надпись 北伯 Бэй бо. Местонахождение владения Бэй, называвшегося в позднейшее время 北邦國 Бэй го, относили обычно к району современного 朝歌 Чао гэ в Хэнани.³ Ван Го вэю удалось установить, что это владение находилось гораздо севернее, входя в пределы области Янь (Чжили). То же самое касается и другого владения, упоминаемого Чжэн Сюанем под названием Юн и находившегося, по всем вероятностям, в пределах Лу (Шаньдун).⁴ Судя по надписям на бронзовом оружии, открытом в 易州 И чжоу (Чжили), можно думать, что и этот район входил в состав владений иньских государей. Во всяком случае, находка оружия служит несомненным доказательством того, что иньская культура распространялась далеко на север Китая. Согласно Maspéro, посвятившему Иньской эпохе отдельную главу в своем труде *La Chine antique* (1927), иньское государство имело сношения с владением Ци, доходившим до Печилийского залива; в восточном направлении иньские войска производили походы против племен И в Шаньдуне; на юго-востоке они доходили до областей северной части Цзянсу и Аньхуя, население которых если не всегда, то в известные моменты признавало верхов-

¹ Помимо того, до сотни названий упоминается в связи с охотой иньских государей. Расшифровкой географических названий Иньской эпохи занимался Ван Го вэй в 殷虛卜辭中所見地名考 Инь суй бу цы чжун со цзянь ди мин као (собр. соч., 1-я сер., II, бу и, 37. — 4 г.) и в некоторых других работах.

² При выяснении пределов Иньского государства могут быть также приняты во внимание данные исторической традиции относительно раздела территории Инь после победы У вана. Согласно им часть территории, находящаяся к югу от Хуан хэ, осталась во владении потомков Иньской династии, образовав княжество Сун; северо-западная часть составила княжество Вэй, а северо-восточная перешла во владение Лу.

³ См. 鄭氏詩譜攷正 Чжэн ши ши пу као чжэн (стр. 6 г изд. Лин лун шань гуань цун шу), где оно упоминается наряду с областями 庸 Юн и 衛 Вэй, как входившее в территорию Иньского государства. (Ср. Ши цзи, Chavannes, I, 237, прим. 3).

⁴ Ван Го вэй, 北伯鼎跋 Бэй бо дин ба (собр. соч., 1-я сер., I, цз. 18, 1 ч. — 2 г.).

ную власть Иней. Китайская традиция говорит, что власть Иней простиралась даже на Корею, полученную 箕子 Цзи цзы во владение при его инвеституре. Последнее, конечно, сомнительно, хотя возможно, что связи с Кореей существовали уже в период Инь и что выражение 大兄 Да сюн, встречающееся сперва в надписях на иньском бронзовом оружии,¹ а затем в гл. Гао ли чжуань 北史 Бэй ши (цз. 94, 7 в), где оно упоминается как входящее в номенклатуру корейских государственных должностей, имеет корни, восходящие к тому отдаленному периоду китайской истории. Нельзя, однако, думать, что Китай эпохи Инь представлял собой единое и однородное государственное образование. В действительности, его территория разделялась на отдельные, чрезвычайно разобщенные друг от друга области, перемежающиеся с районами, занятыми иноплеменными, в большинстве случаев враждебными, народностями. Области эти разбивались, в свою очередь, на мелкие владения, более или менее независимые одно от другого и от власти иньских государей.² Составленные при потомках Шанской династии жертвенные песнопения говорят, что все властители больших и малых владений³ признавали верховную власть Инь и, ежегодно являясь ко двору государей с данью, отдавали отчет в управлении своими владениями, в частности, о мероприятиях, касающихся земледелия.⁴ Общая зависимость всех властителей от центральной власти императора является, конечно, сомнительной. Более вероятно, что отдельные владения, составлявшие Иньское государство, являлись фактически почти независимыми и что одной из главных причин, побуждавших их властителей вступать в союз, была необходимость организации общего сопротивления враждебным некитайским племенам, беспокоившим Китай в ту малоизвестную эпоху, вероятно, не меньше, чем в позднейшее время, и за счет территории которых происходила, в свою очередь, китайская колонизация.

¹ См. Ван Го вэй, 商三句兵跋 Шан сань гоу бин ба (собр. соч., 1-я сер. I; цз. 18, 1 г.).

² Названия некоторых из них приведены в таблице, составленной 傅斯年 Фу Сы нянем на основе изучения надписей на бронзе и др. источников (論所謂五等爵 Лунь со вэй у дэн цзю, Academia Sinica II, n° 1, 112 и сл.).

³ Именовавшие себя титулами 君 цзюнь, 公 гун и даже 王 ван (Ван Го вэй, 古諸侯稱王說 Гу чжу хоу чэн ван шо, собр. соч., 1-я сер., II, бу и, 9 в. — 10 г.). Существование в ту эпоху пяти титулов гун, хоу, бо, цзы, нань доказывается наличием их в надписях Сяо туня. К сожалению, текст надписей настолько отрывочен, что не дает возможности установить точного значения этих терминов в тот отдаленный период. Несомненно только, как указывает и лингвистический анализ, что происхождение титулов гун, бо, цзы, нань находится в связи с родовым строем древнейшего Китая. (Ср. Фу Сы нянь, Op. cit., 122 и сл.). Согласно установившейся традиции иньские властители именуются здесь императорами или царями, несмотря на то, что содержание этих терминов, может быть, не вполне соответствует позднему понятию царя.

⁴ Ши цзин, Souvreur, 463, 465, 467, 468.

Переходя к вопросу о продолжительности периода китайской истории, называемого нами эпохой Шан или Инь,¹ нужно заметить, что показания китайских источников не сходятся между собой в точности. Согласно Ши цзи, от основателя династии Чэн Тана до последнего иньского государя Шоу, или как его еще называют Шоу сян,² насчитывается всего 644 года (1766—1122), между тем как по данным Чжу цзи нянь общая продолжительность Иньского периода составляет 496 лет. Принимая во внимание некоторую искусственность и условность китайских древних хронологических систем, подробно разобранных Chavannes в его переводе Ши цзи (I, Introd., СХС), и не считая цифры 644 и 496 за достоверные, можно предполагать, что общая продолжительность существования Иньской династии достигает не более 500—600 лет. Этой цифре не противоречит и общее число поколений данной династии, составляющее по Ши цзи, 17, а по 古今人表 Гу цзинь жэнь бяо (Цянь Хань шу, цз. 20) — 16.³

Таким образом начало Иньской династии с очень большой приближенностью можно отнести к XV—XIV вв. до н. э. Следы династии уходят, однако, в значительно более отдаленный период времени, так как имена почти всех предков иньских императоров встречаются в хэнаньских надписях,⁴ подтверждающих реальность их существования и достоверность генеалогических таблиц Иней. С другой стороны, было бы ошибкой думать, что исторический период Инь заканчивается с победой У вана, так как жизнь иньского народа, как этнической единицы и носительницы определенной культуры, продолжалась, вероятно, после того как иньская территория была завоевана Чжоу.

Бассейн нижнего течения Хуан хэ, как особенно богатый культурный земледельческий район, с давних пор подвергался частым нападениям враждебных племен. В свою очередь, и иньские войска совершали против них военные походы, о которых нам частично известно из надписей на костях.⁵ Надписи же

¹ По названию местности Шан, находившейся во владении предка иньских государей Ся. Происхождение второго названия связывают обыкновенно с императором Пань гэном, перенесшим свою столицу в город, называвшийся Инь.

² Перечень имен остальных государей, число которых по Чжу шу цзи нянь достигало 29, приведен в сравнительной генеалогической таблице Иньской династии, составленной Ван Го взем на основании данных китайских источников и надписей Сяо туня (собр. соч., 1-я сер. I, цз. 9, 16 в.).

³ Несоответствие между числом поколений и числом государей Иньской династии объясняется тем, что при Инь престолонаследие происходило, в большинстве случаев, не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему, вопреки утверждению Гранет; «La succession [au trône]. en définitive, s'établit de père à fils. (La civilisation chinoise, 21). Сыновья наследовали отцу лишь при отсутствии у последнего братьев. Из общего числа иньских государей 14 наследовали престол как младшие братья, 7 как сыновья младших братьев и только 9 наследовали от отца.

⁴ В своем исследовании о предках иньских государей по хэнаньским надписям Ван Го взей расшифровал имена 11-ти из них (殷卜辭中所見先王先公考 Инь бу цы чжун со цзянь сян ван сян гун као, собр. соч., 1-я сер. I, цз. 9).

⁵ Примеры галатий о результатах походов приведены в Го сюе лунь цун, I, n° 1, 186.

дают несколько деталей об ожесточенной войне, происходившей между Инь и соседними племенами, обитавшими, вероятно, в западных горных областях. Союзником этого племени, название которого не поддается расшифровке, было население области Ту, откуда производились постоянные набеги на территорию Инь. Наиболее же опасным соседом была страна, упоминаемая в подлинном тексте Чжу шу цзи нянь под названием «страны гуй» 鬼方 гуй фан, население которой являлось, повидимому, предками Сюнну.¹ Союзником Инь в борьбе с враждебными племенами было племя Чжоу, впоследствии, с переходом к нему руководящей роли в организации борьбы, само обрушившееся на Инь и завладевшее его территорией. Причинами медленного, но постоянного продвижения чжоуского племени с запада на восток, засвидетельствованного китайскими источниками (Ши цзи, Chavannes, I, 214, 215), являлись, может быть, напор враждебных ему племен и потребность в больших, удобных для земледелия пространствах.² Несмотря на полную победу У вана, закончившуюся смертью Шоу синя, разгромом дружественных Инь владений³ и разделом Иньского государства, власть Чжоу значительное время оставалась номинальной. Наложив на побежденных тяжелую контрибуцию и назначив нескольких правительственных комиссаров для контроля оставленного на месте всего государственного аппарата Инь, У ван отозвал свою армию, и жизнь иньского народа оставалась нетронутой еще долгое время, пока не произошло окончательного смешения обеих народностей и их культур.⁴ Принимая это во внимание, нельзя представлять

¹ В статье 鬼方昆夷獫狁考 Гуй фан Гунь и Сянь юнь као, Ван Го вэй (собр. соч., 1-я сер., I, цз. 13, 1 г. — 10 ч.) доказывает, что слова Гуй, Гунь, Хунь юй, Сянь юй, Сянь юнь, Сюн ну являются последовательными обозначениями одного и того же племени; исходя из изучения надписей на бронзе, он доказывает, что первоначальным написанием этого названия было 畏方 Вэй фан, при Хань измененное в гуй фан. См. также Ши цзи, Chavannes, I, 31. Борьбу чжоуского Сюань вана (821—787) с этими же номадами Сянь юнь, занявшими и разграбившими чжоускую столицу Хао (около современного Си ань фу), воспевают и Ши цзин.

² См. Ши цзин, Сеучгеун, 363. Легенды о предках Чжоу и многие указания Ши цзина заставляют предполагать, что это племя с давних пор было сельскохозяйственным (Ib., 350, 351).

³ Число их, согласно Мын цзы (перевод Legge, 157), достигало 50. Сведения Мын цзы относительно периода Инь основываются, повидимому, на солидном источнике, так как многие из его данных, напр. о слонах, водившихся в то время около Хуан хэ, находят себе подтверждение в надписях Сяо туня.

⁴ В числе доводов, приводимых Иолком (Проблемы Китая, № 2, 119) в защиту того, что процесс амальгамирования произошел в короткий промежуток времени, имеется указание на отсутствие расового антагонизма. По поводу этого нужно заметить, что общая этническая природа Чжоу и Инь пока не может быть признанной за установленный факт. Мын цзы, по крайней мере, называет Вань вана «западным варваром» (Мын цзы, Legge, 192). На существование некоторого антагонизма между завоевателями и покоренными указывают, может быть, принудительные переселения частей иньского населения в области Лу и Вэй после победы У вана, свидетельства чего имеются в древних источниках. (См. ссылки на них в 殷周制度論 Инь Чжоу чжи ду лунь, Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 30).

себе эпоху Инь как некий вполне определенный период с точными и резко очерченными границами. Тем не менее, несмотря на всю отрывочность и неполноту имеющихся о нем сведений, период этот начинает вырисовываться все более ясно благодаря упомянутым находкам Сяо туня. В особенности это относится к тому промежутку времени, которым датируются самые надписи на костях. Дата их большинством европейских синологов относится к царствованию последних иньских государей, а именно 帝乙 Ди и и его непосредственных предшественников 文丁 Вэнь дина и 武乙 У и.¹ Однако, исходя из того, что одна из надписей говорит о жертвоприношениях умершим императорам 陽甲 Ян цзя, 盤庚 Пань гэнгу и 小辛 Сяо синю, причем они именуются «отцами» лица, производившего жертвоприношение, т. е. имп. 武丁 У дина,² представляется более правильным расширить границы периода, к которому обычно относят надписи на костях и датировать их временем царствований У дина — Ди и. В расшифрованных Ван Го взем и Ло Чжэнь юем надписях встречается большая часть имен иньских государей (всего 23 имени), причем все они сходятся с данными Ши цзи и Чжу шу цзи нянь, за исключением имени Вэнь дина, ошибочно обозначенного Сыма Цянем через 太丁 Тай дин.

Как видно из надписей, во все имена входят циклические знаки, указывая на существование древнего закона табу при Инях. Исторические памятники называют лишь несколько подлинных имен иньских государей,³ имена же, упомянутые в надписях, являются обозначениями, дававшимися потомками умершим императорам в соответствии с теми циклическими знаками, при помощи которых обозначался день рождения последних.⁴ При наличии предков, дни рождения которых соответствовали одному и тому же циклическому знаку, к их обозначениям для отличия прибавлялись слова 小, 上, 大 и др. Следы этого обычая уходят, повидимому, в период, предшествующий иньскому, так как древние памятники указывают, что циклические знаки входили и в имена последних государей династии Ся. Судя по надписям на бронзовом оружии эпохи Инь, открытому в И чжоу, обыкновение называть предков по циклическим знакам было принято не только среди членов династии, но и среди иньской аристократии, а может быть

¹ Chavannes, Journ. As., 1911, 134; Maspéro, La Chine antique, 37; Granet, La civilisation chinoise, 74.

² 父甲 — 牡父庚 — 牡父辛 — 牡 (Ван Го взей, Го сюе юе бао, II, п^о 8—10, 398). Все три императора, являвшиеся братьями, именуются в надписи отцами, существовавшему при Инь обычаю называть так представителей предыдущего поколения, независимо от того, являлись ли они фактическим отцом или дядями лица, обращавшегося к ним.

³ См. Ван Го взей, 殷禮徵文 Инь ли чжэнь вэнь (собр. соч. 2-я сер., I, 1 г. — 3 г.).

⁴ Это доказывается тем, что по надписям на костях жертвоприношения определенному предку происходили исключительно в те дни, которым соответствовал тот самый циклический знак, что входил в имя предка.

и во всех семьях, имевших родословную. Согласно Сыма Цяню (Ши цзи, цз. 32, 4 г. изд. 1836) этот же обычай наблюдался среди предков князей Ци.

Помимо помощи, оказанной надписями на костях в смысле восстановления некоторых хронологических и генеалогических данных, касающихся Иньской династии, их находка дала возможность определить местонахождение некоторых иньских городов. Предания, зафиксированные в китайских источниках, говорят о восьми переменах резиденций предков Инь и пяти переменах столиц после Чэн Тана. Комментаторы, пытавшиеся отождествить местонахождение столиц предков Инь, называют четыре из них, причем все они находятся в районе Шаньси.¹ Относительно города, находившегося на месте нынешнего Сяо туня, обычно высказывались предположения, что он являлся столицей императора У и (Granet, op. cit, 67; Maspero, 37). Основываясь на находке вышеупомянутой надписи, датированной царствованием У дина, следует полагать, что этот город гораздо более древнего происхождения и являлся столицей Инь за период между царствованиями Пань гэна — Ди и.² Ло Чжэнь юй считает, что основание его относится к еще более раннему времени и что он является тем самым городом, где жил император Хэ дань цзя и который обозначен в Ши цзи и в Анналах, написанных на бамбуке, под названием 相 Сян. Принимая во внимание, что город Хэ дань цзя, согласно большинству комментаторов, находился в том же районе Чжан дэ фу, где находится и Сяо тунь,³ и что надписи на бронзе, воспроизведенной в Као гу ту, имеют большое сходство с надписями на костях;⁴ возможность этого является довольно вероятной.

Раскопки, производившиеся в Сяо туне, позволяют установить, что древний город, окруженный с трех сторон рекой Юань, занимал довольно большое пространство. Площадь, на протяжении которой, на глубине 5—6 м, были обнаружены кости с надписями, не превышала 2 1/2 га. К сожалению, раскопки дают слишком мало данных для суждения о том, что представлял собой город древнего Китая вообще. Многочисленные указания китайских источников свидетельствуют лишь о том, что в древности города строились преимущественно на возвышенностях. Подтверждением этого может служить то обстоятельство, что в боль-

¹ См. также 說自契至於成湯八遷 Шо цзы Се чжи юй Чэн Тан ба цянъ (Ван Го вэй, собр. соч., I-я сер., I, цз. 12, 1 г. и сл.).

² Это согласуется и с данными подлинной версии Чжу шу цзи нянь (см. стр. 5 изд. Ван Го вэй); ср. 水經注 Шуй цзин чжу, цз. 9, 36 г., изд. У инь дянъ, 1774).

³ Ши цзи, Chavannes. I, 192.

⁴ См. Го сюе юе бао, II, № 1, 23. Ср. ссылку Pelliot (T'oung Pao, XXII. 8) на Бо гу ту лу (XII в.), составители которого называют место, где были найдены воспроизводимые ими древние сосуды, «городом Хэ дань цзя» 河亶甲城, определяя его местонахождение в согласии с позднейшим 彰德府志 Чжан дэ фу чжи.

шинство из сохранившихся названий древних городов входят слова, имеющие значения возвышенностей, холма, горы.¹

Как известно, в древнем Китае горы являлись предметами культа, занимая главное место в народных верованиях. Согласно им гора воплощает в себе начало устойчивости, непоколебимости; от нее зависят землетрясения и наводнения. Гора, на вершине которой скопляются туманы и облака, несущие дождь, является божеством, ниспосылающим урожай и покровительствующим земледелию.² Святость горы, соединяющаяся в народных верованиях с святостью царя-жреца, единственного лица, имевшего право на совершение жертвоприношений горе в случае засухи, неурожая, наводнения, переносится и на его город-крепость с храмами и жертвенниками, строившимися обычно на возвышенностях, где царь производил жертвоприношения.³

Непрерывной принадлежностью города был жертвенник богу земли, представлявший собой земляной холмик, в котором по народным верованиям были сконцентрированы все скрытые производительные силы земли. Он должен был находиться под открытым небом, так как, лишая жертвенник света и дождя, его обрекали на бессилие и гибель. Чэн Тан, желая уничтожить все корни побежденной династии Ся, задумал отнять у нее бога земли, но не был в силах сделать это. Тогда он прибег к хитрости, — заключил жертвенник в стены дома.⁴ Это предание хранит воспоминание о поклонении, окружавшем бога земли и бывшем настолько великим, что защищало его от посягательств Тэн Тана. В свою очередь, после победы над Инь, основатель династии Чжоу построил дом над жертвенником бога земли Бо (т. е. династии Инь, столица которой была некогда в 亳 Бо). Он пробил окно в стене, выходившей на север для того, чтобы

¹ 丘, 阪, 山. Слово 京, известное теперь в значении «город, столица», в Ши цзине (Сопутеуг, 361, 362) значит «высокий холм». Ср. толкование знака цю в Эр Я: 丘絶高曰京 (по Кан си цзы дзянь, в. в. цзин). На это же указывают названия столиц княжеств периода Чжоу: 宛邱 Вань цю, 營邱 Ин цю и др. (Ши цзи, Chavannes, I, 239).

² См. переведенные Шаванпёв обеты и молитвы горе Тай шань, большинство которых содержит благодарности за хороший урожай, просьбы о ниспослании дождя, предотвращении наводнений, засухи и т. п. (Le Tai chan, chap. IV). О культе гор также у Granet, Fêtes et chansons anciennes de la Chine.

³ Жреческие функции царя или, во всяком случае, их часть, сохранялись за ним до конца периода Инь. Надписи указывают, напр., что право осматривать животных, назначенных для жертвоприношений, принадлежало царю. Об одном из жертвоприношений, произведенном иньским Чэн Таном в лесу 桑林 Сан линь, говорит древний текст Люй Бу взя (ум. 235 до н. э.): «Небо послало великую сушь и пять лет не снимали с полей урожай... Тогда Тан обстриг свои волосы, обрезал ногти и, — тело свое предлагая в жертву, испрашивал счастья у неба. Народ был доволен и дождь пошел в изобилии» (Люй ши чунь цю, цз. 9, 2 в. изд. Цзин сюнь тан цун шу).

⁴ Чжу шу цзи нянь, Legge III, part I, proleg., 129: 始屋夏社. Слово шэ, имеющее основным значением «бог земли», употребляется во многих текстах и в смысле жертвенника, его символизирующего.

к богу проникала только сила Инь, начало тьмы и смерти. Жертвенник богу земли Инь существовал еще в 491 г. при дворе князей Лу. Из Чунь цю мы узнаем, что в этом году сгорел жертвенник (вернее, здание, в котором он находился) бога земли Бо.¹

Отсутствие положительных данных не дает возможности восстановить более или менее полную картину внешнего вида города, равно как и его роли в условиях экономической жизни древнего Китая.² Исходя из некоторых указаний Ши цзина и Цзо чжуани, касающихся города позднейших времен, можно предполагать, что и города Иньской эпохи не имели тех роскошных дворцов с залами, украшенными резьбой из яшмы и слоновой кости, о которых говорят легенды про Шоу синя. На простоту и легкость городских построек, дававших возможность легко оставлять города и быстро обстраиваться заново, указывают и те частые перенесения иньских столиц, о которых говорит китайская историческая традиция. Относительно причин этих переселений высказывались различные предположения, до сих пор оставшиеся, однако, недоказанными. Большинство авторов видят причины перемен столиц в набегах варварских племен или в наводнениях, причинявшихся разливами рек. В истории Китая известны, действительно, случаи, когда целые города затоплялись Хуан хэ, неоднократно менявшей русло вследствие постоянного повышения дна, происходившего от осаждения продуктов размывания лёссовых пород. С другой стороны, несомненно, что Хэнань, как наиболее культурная сельскохозяйственная область, мало защищенная от набегов враждебных племен, всегда привлекала их внимание. Тем не менее, ни наводнения, ни нападения кочевников не могут быть признаны за твердо установленные причины перенесения столиц,³ так как единственный текст Шу

¹ 毫社灾 Чунь цю, цз. 57, 19 в. (Ши сань цзин чжу шу, 1816).

² Основываясь на существовании денежного обращения в эпоху Инь, можно лишь утверждать, что при Инь города были центрами обмена и накопления богатств господствующей части феодального общества, имея торговые связи с другими городами и областями. Функцию денег в тот период исполняли нефрит или раковины, связывавшиеся обычно по пяти штук вместе (см. о них Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, пз. 3, 17 г. — 18 г.). Настоящие раковины каури и их имитации были найдены в большом количестве при раскопках в Сяо туне. К концу периода Инь или к началу Чжоу появляются имитации каури из кости, позднее из бронзы. Последние играли роль монетной единицы при Чжоу и носят название 蟻鼻錢 И би цян, — монет «нос муравья». На денежную функцию раковин указывает также знак 貝 бэй, раковина, входящий в большинство идеограмм, обозначающих понятия купли — продажи, дани, драгоценности, цены и т. д.

³ Несмотря на категорическое утверждение Wilhelm (History of chinese civilisation, 34) объясняющего переселения напором со стороны соседних племен. Совершенно непонятно, на чем основывается Masgowan (The imperial history of China, 33), говоря, что перенесение столицы при Цзю и было вызвано разливом реки Вэй. Об этом не сказано ни в подлинном, ни в новом тексте Чжу шу цзи нянь. Возможно также, что при перенесении столицы могло иметь значение и истощение ресурсов окружающего сельскохозяйственного населения, как указывает Иолк (Проблемы Китая, № 2, 100) и захватнические стремления феодалов, желавших обогатиться за счет населения других местностей.

цзина, касающийся перемены столицы при Пань гэне, недостаточно ясен и не дает возможности установить, чем вызывалась необходимость переселения.¹ Менее всего правдоподобным является объяснение 柳詒徵 Лю И чжэна (Сюе хэн, 1926, п° 49, 25), согласно которому переселения находились в связи с поисками местностей, более обильных зверями и удобных для охоты, так как последняя являлась, якобы, главнейшим занятием населения Китая Иньской эпохи.² Все данные говорят за то, что уже задолго до Иньского периода китайцы были оседлым земледельческим народом. На это указывают их древнейшие предания, не имеющие никаких намеков на кочевой образ жизни, за исключением, может быть, единственного выражения «пастыри», которым Шу цзин (Legge, 34) называет правителей области при Шуне, и о которых Мын цзы (Legge, 13) говорит уже как о «пастырях людей» 人牧. На это же указывает неупотребление китайцами в пищу молока, масла, сыра и остальных молочных продуктов, составляющих главное средство питания всех кочевников,³ а также древние формы их идеографической письменности, значительная часть которых указывает на давнюю связь с земледелием. Свои ошибочные заключения о преобладающем значении охоты среди занятий населения Инь, Лю И чжэн и Niva основывали на том, что наибольшее число надписей на хэнаньских костях относится к охоте, не учитывая, однако, что в большинстве случаев дело идет лишь об охоте царя, на что с несомненностью указывает присутствие знака 王. В те отдаленные времена территория Китая, не исключая области современной Хэнани, в действительности изобиловала зверями и дичью. Судя по надписям Сяо туня, производилась охота на тигров, оленей, лошадей, баранов, диких свиней, зайцев, фазанов, причем добыча достигала иногда огромных размеров — до 200 оленей за один раз. Из встречающихся в надписях выражений 獲象 хо сян, 來象 лай сян, можно заключить, что в те времена в пределах Хэнани водились даже дикие слоны, впоследствии перебравшиеся в более южные области и к периоду Чжань го представлявшие собой уже редкое явление для населения среднего Китая.⁴

¹ В этом тексте позднейшего происхождения приводится речь Пань гэна, доказывающего народу необходимость переселения и угрожающего ослушникам карами в случае неповиновения высказанной через гадание воле предков. (См. Шу цзин, Legge, 220 и сл.).

² Подобное же утверждение, высказанное Niva (Shina gaku, 1924, III, п° 9) и основанное на неправильном понимании статистических данных Ло Чжэнь юя о надписях на костях, касающихся охоты, было опровергнуто в свое время Ojima (Shina gaku, III, п° 10).

³ За это же говорит отсутствие или позднее появление в китайском языке большинства простейших слов и идеограмм для обозначения основных понятий, которые присущи языкам народов, ведущих кочевой образ жизни.

⁴ Ср. Хань Фэй цзы (цз. 6, 7 в. Сы бу цун кань): 人希見生象. См. также статью 象 占 跋 Сян ю ба Ван Го вэя (собр. соч., 1-я сер., II, бу и, 16 г.). Исходя из древней формы знака 爲 вэй, в надписях на бронзе и на костях изображающего слона, которого ведет рука человека, Ло Чжэнь юй (Инь сюй шу цз као ши, 55 г.) высказывает предположение, что в древности

Тем не менее охота, как и в последующие времена, являлась лишь развлечением царя и знати, имея, может быть, некоторый элемент обрядового характера. Среди основной массы населения звероловство и рыбная ловля¹ являлись только подсобным средством для существования. Гораздо большее значение имело скотоводство, составлявшее в Иньскую эпоху весьма существенную отрасль народного хозяйства, судя по огромному количеству животных, приносившихся в жертву. В хэнаньских надписях встречаются особые, в настоящее время потерявшие первоначальное значение, названия жертвоприношений в 10 баранов, 100 свиней, в 100 и даже 300 быков одновременно.²

Кроме баранов, коров и свиней, разведение которых, судя по чрезвычайному обилию свиных костей, найденных Andersson при раскопках, составляло особенно важную отрасль животноводства, разводились лошади, куры и собаки. На основании имеющихся в надписях указаний, можно предполагать, что последние являлись не только сторожевыми животными, но употреблялись и в пищу.

Было бы большим заблуждением думать, что быки или лошади употреблялись в Иньскую эпоху в качестве рабочего скота при сельскохозяйственных работах. Хотя о применении быков и лошадей для упряжи свидетельствуют не только

слонами пользовались для произведения каких-то работ. Мне кажется возможным, что ими пользовались для военных надобностей и что в тексте Люй Бу взя о Чжоу гуне, войско которого оттеснило за Ян цзы цзян иньских людей с их прирученными слонами за жестокости, причиненные восточным варварам, подразумеваются боевые слоны. См. Люй ши чунь цю, цз. 5, 6 в.: 商人服象爲虐于夷周公遂以師逐之于江南.

Сравнивая первоначальное значение знака «вэй» с толкованием Шо взня, дающим неправильное определение: «самка обезьяны», мы приходим к убеждению, что уже во времена Сюй Шэня истинное значение многих знаков было неизвестно вследствие изменений, происшедших в их начертании. Принимая во внимание большое количество списков, через которые дошел до нас сам Шо взнь и, следовательно, наличие многих ошибок в его тексте, становится ясной несостоятельность попыток изучения древнего Китая на основании графического анализа его письменности, руководствуясь при этом Шо взнем или «архаическими» формами знаков, помещенных в работах типа 篆字彙 Чжуань цзы хуй или 六書通 Лю шу тун (XVII в.). Так, кстати сказать, поступил Forke в своей работе *Der Ursprung der Chinesen auf Grund ihrer alten Bilderschrift* (1925).

Наиболее удивительный пример пренебрежительного отношения к древним подлинным формам иероглифов представляет собой «Анализ иероглифической письменности» (1888) Георгиевского, по собственным его словам (стр. 9) не находящего нужным «ни обращаться к древним почеркам, ни стеснять себя указаниями китайских лексикографов»!

¹ В надписях встречается пиктограмма 漁 юй «ловить рыбу», изображающая рыбу, пойманную на лесу (см. Инь суй шу цз као ши, 62 в.).

² Ван Го взй, собр. соч., 1-я сер. I, цз. 9, 3 в. Перечень всех домашних животных, упоминаемых в надписях, с ссылками на Инь суй шу цз као ши, помещен в статье Ojima (Shina gaku, III, n° 10). Один из авторов, говоря о важном значении скотоводства в народном хозяйстве Иньской эпохи, доказывал это тем, что осмотр быков производился самим царем. Обстоятельство это само по себе не может служить доказательством, так как в надписях дело идет только об осмотре животных, предназначенных для жертвоприношений.

старые тексты,¹ но и встречающиеся в надписях на костях пиктограммы повозки, запрягавшейся парой быков или лошадей, но предназначались они, повидимому, исключительно для военных надобностей. На то, что применение скота при сельскохозяйственных работах началось в гораздо более поздний период времени, указывает целый ряд текстов,² а также и самый тип сельскохозяйственных орудий, существовавших при Инь. Введение плуга, запрягаемого быком, связывается обычно с именем Ханьского 趙過 Чжао Го и относится к III—II в. до н. э. В некоторых же районах, особенно там, где это было удобнее по условиям местности, старый способ обработки земли ручным способом оставался и позже.³ На чем основываются Кокин и Папаян, утверждающие на страницах своей книги «Аграрный строй древнего Китая» (1930), что к эпохе Инь «относится знакомство с плугом, пахота которым производится с помощью быка», остается таким образом непонятным. Подобное же заблуждение, особенно опасное в смысле вытекающих из него неправильных выводов об уровне техники древнего Китая, мы находим и у Масгowaп, который говорит: «[Wu wang] disbanded his soldiers and sent his cavalry horses To Mount Hoa in Shensi, and dispersed the oxen that had been used in the campaign amongst the farmers to help them in the cultivation of the soil (The Imp. History of China, 42).

В данном случае Масгowaп основывается, очевидно, на тексте Люй Бу вэя: 乃稅馬於華山稅牛於桃林馬弗復乘牛弗復服 (Люй ши чунь цю, цз. 15, 2 г.). Упоминание же о помощи земледельцам является произвольным добавлением автора, так как в самом тексте нет никакого упоминания об этом. Заметим попутно, что и вопрос о пользовании конями под верх остается не совсем ясным, несмотря на упоминание Масрего о существовании в иньской армии кавалерии и войсковых частей в 300 всадников.⁴ Насколько это было известно до последнего времени, китайцы не имели кавалерии приблизительно до 300 г. до н. э., когда она появляется в результате заимствования военной тактики соседних кочевых племен. Нововведение это приписывается Сыма Цянем князю Чжао (307 г.), который создал в своей армии отряд конных

¹ См. текст Гуань цзы (цз. 24, 39 в., изд. Ши цзы цюань шу, 1897) об иньском царе, устроившем хлевы и стойла и заставившем быков и лошадей служить на пользу народу: 殷人之王立阜牢服牛馬以爲民利.

² Даже в позднейшем Чжоу ли при перечислении обязанностей «ню жэня» не упомянуто пользование быками для сельскохозяйственных работ (Чжоу ли, цз. 3, 38 г, СБЦК). На отсутствие рабочего скота в крестьянском хозяйстве и на применение человеческой силы при всяческого рода работах, даже при перевозках, указывает и Ши цзин (Сочинен 351).

³ 地勢溫濕不宜牛馬民蹠耒而耕 (Янь те лунь, цз. 3, 5 в. СБЦК).

⁴ См. La Chine antique, 43, 44, где, к сожалению не приведены ссылки на соответствующие источники. В приведенном же выше тексте Люй Бу вэя говорится, как мне кажется, не о кавалерии, а о конях, запрягавшихся в боевые колесницы.

лучников по образцу номадов, возбудив этим сильное сопротивление со стороны своих приближенных (Ши цзи, Chavannes, IV, 69—84). Заимствовав у кочевников конницу, китайцы переняли также их одежду и вооружение. Pelliot, изучавший этот вопрос наряду с Ван Го взем, указывает, насколько «китайский» костюм средних веков с его поясом с металлической пряжкой, брюками и сапогами, схож с одеждой кочевников.¹

Обращаясь к вопросу о типе земледельческих орудий и материала, из которого они изготовлялись в Иньскую эпоху, необходимо предварительно выяснить степень распространения металла и металлических изделий в тот период. Китайские предания, подразделяющие доисторическую эпоху на каменный, яшмовый и бронзовый век, относят начало последнего к царствованию Юя (? 2205—2198), а конец к 500 г. до н. э.,² что в общем, сходится с данными европейской науки, относящей появление бронзового века к 3-му тысячелетию. Хотя, судя по найденной в Сяо туне части бронзового сосуда, инкрустированного драгоценными камнями,³ техника отливки бронзы достигла к периоду Инь уже высокой степени совершенства, изделия из бронзы еще не имели большого распространения среди населения. Бронза, применявшаяся, главным образом, при выделке оружия и ритуальных сосудов, являлась в те времена очень дорогим и недоступным для основной массы населения металлом.⁴

Тем более это относится к железу, изделия из которого появляются еще в более позднее время — вероятно не ранее V века до н. э. Из китайских текстов мы знаем, что применение бронзы даже в оружейной промышленности оставалось в Китае вплоть до периода Хань. В 175 г. до н. э. государственный деятель Цзя И (Giles Biogr. Dict., 321) в своем докладе по поводу реформы монетной системы советовал императору Вэнь ди создать государственную монополию меди

¹ Pelliot, T'oung Pao, 1928—29, 137—148; Ван Го взй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 22.

² См. 越絕書 Юе цзюе шу, цз. II, которое основывается, повидимому, на очень древних источниках, хотя современная редакция его относится только к 52 г. н. э. (Сы ку цюань шу цзун му, цз. 66, 1 ч.).

³ 碧 би, что, по мнению Pelliot (T'oung Pao, XXII, 8), обозначает бирюзу. Знакомство китайцев с бирюзой восходит к концу доисторического периода, так как на одной из энеолитических стоянок в Ганьсу Anderson нашел «numerous cowries and beads of turquoise and other materials (Preliminary report on archaeological research in Kansu, 18).

Некоторые указания о технике отливки бронзы, изученной еще очень мало, находятся у Sirén, op. cit., 54—55. Pelliot устанавливает, что в Иньскую эпоху к сплаву примешивалось известное количество злата, отблески которого замечаются на некоторых иньских сосудах (Bronzes antiques de la Chine, 15).

⁴ Возможно, что в начале, наряду с бронзовыми, употреблялись даже деревянные ритуальные сосуды (ср. Ши цзин, Couvreur, 352, Sirén op. cit., 16). Может быть, для экономии дорогого металла делались и те отверстия в бронзовых топорах, о которых говорит Лу Моу дэ в своей статье о бронзовом оружии древнего Китая (Го сюе цзи кань, II, n° 2, 291), хотя они же могли, по моему мнению, служить и для облегчения оружия.

для того, чтобы последняя не расходовалась на выделку оружия.¹ На существование бронзового оружия еще при Хань указывают и мечи, найденные вместе с другими предметами в могиле Чжао Ин цзи, царя Нань Юе,² умершего согласно Ши цзи (цз. 113, 4 в. изд. 1836 г.) около 113 г. до н. э. Широкое применение железа начинается лишь с Ханьской эпохи, когда, приблизительно в начале нашей эры, добыча железа достигла настолько больших размеров, что оно экспортировалось даже за границу, занимая первое место на римском рынке.³

Все эти данные говорят за то, что в Иньскую эпоху бронза, а тем более железо, вовсе не были распространенными и доступными для всего населения металлами. Принимая во внимание, что земледельческие орудия из бронзы, несомненно появились позже бронзового оружия,⁴ можно допустить, что в эпоху Инь земледельческие орудия из металла отсутствовали, а если и имелись, то в совершенно незначительном количестве.⁵ Возможно даже, что в то время продолжали еще оставаться в употреблении некоторые инструменты из камня, в частности те ножи для жатвы, которые послужили, по всей вероятности, прототипом для так называемых «нефритовых ножей» и табличек для записей «ху».⁶

В надписях Сяо туня неоднократно встречается знак 耒 лэй, обозначающий земледельческое орудие, бывшее в наиболее широком употреблении среди населения Китая эпохи Инь. Относительно этого орудия, так же как и другого, обозначаемого иероглифом 耜 сы и встречающегося в надписях несравненно реже, вплоть до последнего времени господствовали совершенно превратные понятия. Путаница в понимании терминов «Лэй-сы» начинается уже с Ханьских комментаторов, толкующих «лей» как деревянную рукоять, а «сы» как нижнюю копательную часть одного и того же орудия.⁷ Смешение двух разных орудий, обозначавшихся словами лэй и сы, мы наблюдаем и позже (ср. словарь Цы юань,

¹ Цянь Хань шу, цз. 24 ся, 5. Доклад Цзя И, если не ошибаюсь, переведен Mailla.

² Гуан дун тун чжи. цз. 226, 5 г.

³ Hirth, China and the Roman Orient, 225, прим. 2.

⁴ Ср. текст из Го юй (цз. 6, 11 г. СБЦК), где «хороший металл», шедший на выделку оружия, противопоставляется дурному, употреблявшемуся на изготовление земледельческих орудий.

⁵ Опять-таки вопреки авторам «Аграрного строя древнего Китая» (116—117), говорящим о «металлических сошниках» и весьма большой распространенности металла при Инь.

⁶ Каменные ножи, служившие вместо серпа, напоминали своим видом аналогичные железные ножи, которые употребляются в Китае еще в настоящее время при жатве сорго (см. Pelliot, Jades archaïques, 15, pl. X и др.), Patte (BEFEO, XXXI, 31), ссылаясь на якобы маловоинственный дух китайцев и на связь большинства их религиозных обрядов с земледелием, высказывает предположение, что даже известные ритуальные нефритовые «Гэ» (древнее оружие, называемое Pelliot «hache-poignard») имитируют своим видом земледельческое орудие. Мнение это, впрочем, не имеет под собой основания.

⁷ См. Комментарии Чжэн Сюаня к Ли цзи, (цз. 5, 3 г. СБЦК). Заметим, что даже в транскрипции этих знаков наблюдаются некоторые расхождения. Так, напр., в рецензии Гр-ч (Проблема Китая, n° I, 434) вместо обычной и общеизвестной транскрипции лэй сы дважды значится «лэйсю».

未, 133, s. v. Лэй сы). В своей весьма интересной работе 耒耜考 Лэй сы као (Academia Sinica, II, n° 1), посвященной истории этих орудий и их дальнейшей эволюции, 徐中舒 Сюй Чжун шу, на основании древних текстов, надписей на костях и бронзе и данных археологических изысканий, устанавливает, что «лэй», имитировавшее ветку дерева, представляло собой палку или кол, заканчивавшийся развилиной; второе орудие, «сы», являлось заостренным колом, к которому впоследствии стали приделывать небольшую доску, имевшую формы лопаты. Текст из И цзина, повествующий о последовательном появлении предметов материальной культуры и упоминающий Шэнь нуна, который 斷木爲耒 撥木爲耜 «обтесал дерево и сделал сы, согнул дерево и сделал лэй», говорит, таким образом, о двух различных орудиях, вопреки его традиционному толкованию.¹ Обработка земли при помощи этих сельскохозяйственных орудий состояла в вскапывании и разрыхлении верхнего слоя почвы. Для более глубокого погружения инструмента в землю на нем делалась поперечная перекладина, служившая упором при надавливании ногой. Таким образом в процессе работы принимали участие не только руки, но и ноги работника.² Старые тексты говорят, что обработка земли производилась обычно двумя стоявшими рядом работниками, что называлось 耦耕 оу гэн, «обработка парой».³ Этот способ оставался в употреблении, вероятно, не более периода Чжань го, так как уже ханьский Чжэн Сюань (127—200) говорит о нем как о древнем.⁴ Материалом для изготовления сельскохозяйственных орудий в эпоху Инь служило дерево. За это говорят не только приведенные выше соображения о малодоступности металла для населения, но и самый вид знаков «лэй» в надписях на костях, а также и более поздние тексты о продолжавшемся употреблении деревянных орудий при обработке земли в виду дороговизны металла.⁵ Орудие «сы», упоминающееся в ханьских надписях очень редко, повидимому, имело распространение на западе Китая⁶ и лишь к концу эпохи Инь, с наступлением Чжоу, стало продвигаться к востоку. Знакомство населения Инь с сельскохозяйственным орудием западных

¹ Ср. Wilhelm, A short history of Chinese civilisation, 60: «He fashioned wood to form the ploughshare and bent wood to make the plough-handle». Среди описанных Chavannes барельефов ханьского периода имеется изображение Шэнь нуна и Юя, держащих в руках эти орудия (см. La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han, pl. III, 3-ème panneau).

² Ср. 三之日于耒 四之日舉趾 (Ши цзин, Souvreur, 160).

³ Ср. Ши цзин, Souvreur, 428, 439.

⁴ Чжоу ли, цз. 12, 18 ч., СВЦК.

⁵ Янь те лунь, цз. 6, 20 ч. — 21 г., СВЦК.

⁶ Возможно, что название местности 有郃, откуда по преданию происходил родоначальник Чжоу Хоу цзи, действительно находится в некоторой связи с этим орудием, так как в надписях на бронзе знаки 台 и 耒 являются эквивалентными и при начертании правой части иероглифа 耒 (= 耒) один знак иногда заменяется вторым (Сюй Чжун шу, op. cit., 30, 45).

областей¹ и введение в крестьянский обиход двух различных орудий способствовало переходу к более интенсивным формам земледелия и росту производительных сил, что, в свою очередь, явилось главной причиной последующего экономического развития Китая.

Несмотря на несовершенство и примитивность земледельческих орудий, степень развития земледелия в Китае эпохи Инь была все же довольно высока. Об этом свидетельствует обилие идеограмм, относящихся к земледелию, и сравнительно большое количество знаков, культивировавшихся в то время согласно надписям из Сюо туня. По подсчету, произведенному Ojima (Shina gaku III n° 10), все надписи, относящиеся к земледелию, распадаются на две группы: на гадания об урожае и гадания о погоде (дожде и ветре), причем часть последних относится к охоте царя. Гадания о дожде могут служить указанием того, что естественное орошение являлось в те времена важным условием земледелия и что урожай на полях зависел от своевременного выпадения дождей. Искусственное орошение, по всему вероятию, не было еще развито и не являлось обязательным условием земледелия.² Помимо наличия довольно большого числа названий хлебных культур в хэнаньских надписях при оценке степени развития земледелия могут быть приняты во внимание зафиксированные в Шу цзине предания о большом распространении винокурения и широком употреблении спиртных напитков среди населения Инь.³

¹ Очень может быть, что оно являлось более совершенным и удобным для обработки земли, и что появление металлических «сы» предшествовало появлению таковых же «лэй». По крайней мере, многие эпитеты, прилагаемые в Ши цзине к первому орудью, говорят об его остроте (см. Ши цзин, Соувгеуг, 285, 439, 441).

² См. рецензию Иолка (Проблемы Китая, 1931, n° 4—5), опровергающего на основании данных о климатических и почвенных условиях обязательность искусственного орошения и его значения как основы сельского хозяйства в древнем Китае. Помимо отсутствия в древнейших источниках упоминаний об оросительных сооружениях и, напротив, ясно выраженных указаний на важное значение дождя (Ши цзин, Соувгеуг 283, 286), на зависимость земледелия от дождя указывают и орнаменты на древних сосудах, которые употреблялись при совершении религиозных обрядов имевших целью вызвать дождь. В таких орнаментах наиболее распространены мотивы дождевой тучи, «лэй вэнь», и дракона, являвшегося эмблемой дождя и своим появлением предвещавшего обильный урожай. Наконец, при решении вопроса о существовании искусственного орошения в отрицательном смысле, необходимо учитывать примитивность земледельческих орудий, и, следовательно, затруднительность рытья каналов. Тем не менее, исходя из того, что подземные каналы с колодцами известны в Китае уже с II в. до н. э. (см. Pelliot. L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo Wci, T'oung Pao, tir. à part, 123), можно согласиться с ретроспективными выводами Кокина и Папаяна о большой длительности процесса проведения системы каналов.

³ См. 酒誥 Цзю гао, где приводится речь Чжоу гуна, предостерегающего от губительного примера Инь, и 微子 Вэй цзы (Шу цзин, Legge, 273 и 399). Сохранившиеся до нашего времени иньские сосуды для вина чрезвычайно разнообразны по виду и поражают своими огромными размерами. (См. Pelliot, Bronzes antiques, pl. I—III и Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 3, 11 г. и 13 в.).

Кроме культивирования злаков в занятия населения входило огородничество и садоводство, знаки для обозначения которых также встречаются в надписях Сюо туня. Существование этих отраслей сельского хозяйства уже при Инь может служить лишним доводом в пользу высказанного выше мнения о древности оседло-земледельческой культуры китайцев. Особенно же значительным в этом отношении является наличие шелководства, признаки которого мы находим в виде знаков, обозначающих в надписях Сюо туня шелковицу и шелковую вату.¹

Совершенно несомненно, что кроме шелководства, прядения и тканья населению Китая эпохи Инь были известны и другие отрасли домашней промышленности, о которых здесь не упоминается в виду отсутствия прямых указаний в надписях Сюо туня. То же самое касается остальных отраслей сельского хозяйства и многих других сторон жизни Китая эпохи Инь, полная картина которой не может быть восстановлена на основании скудного и разрозненного материала, имеющегося пока в нашем распоряжении.

14 IV 1933.

¹ Согласно расшифровки 余永梁 Юй Юн лян (Го сюе лунь цун I, п° I, 186). Можно предполагать, что Шаньдун был первым из северных районов Китая, в котором возникло шелководство. Юй гун говорит о племени Лай, приносившем в дань шелковые нити и жившем в районе Шаньдуна. Fauvel в своей статье «The wild silkworms of the province of Shantung» (China Review, VI, 89) полагает, что родиной шелкопряда Bombyx mori является именно Шаньдун.